

Глава 19. Башня Заточения Демонов (Часть 1)

— И как только Император Демонов здесь очутился? — вполголоса изумился Фан Хэнъи.

Мужчина с глазами, скрытыми белой шелковой повязкой, был сильнейшим существом во всей Башне Заточения Демонов. Некогда великий Император Демонов по имени Хуа Уцзянь обладал здесь самым высоким уровнем совершенствования. По всем правилам игры ему надлежало дожидаться смельчаков на самом верхнем ярусе, но он почему-то объявился на одиннадцатом. Неудивительно, что Фан Хэнъи заподозрил неладное.

Лян Шань в свое время, готовясь к покорению Башни Заточения Демонов, внимательно изучил все руководства, так что личность незваного гостя определил без труда.

— Может, это из-за меня открылась какая-то секретная локация? — задумчиво предположил он.

В этот момент перед ними вспыхнуло системное объявление:

[Поздравляем совершенствующихся! Вы открыли тайную обитель: «Башня Заточения Демонов: В поисках памяти Императора»!]

Фан Хэнъи изумленно присвистнул.

— Ну и везет же тебе, братец. Просто поразительно.

Последний месяц стоило Шаньцзе Жэньи оказаться поблизости, как Фан Хэнъи так или иначе наткался на неизведанные локации, откуда горами сыпалось редчайшее, первоклассное снаряжение. Сказать по правде, в плане микроконтроля и боевых навыков Шаньцзе Жэньи звезд с неба не хватал, но его феноменальному везению позавидовал бы любой. Настоящий живой талисман.

Лян Шань тихо рассмеялся.

— Если бы не ты, еще неизвестно, благословением была бы эта удача или проклятием.

Новая локация означала полную неизвестность — здесь еще не ступала нога игрока. Без сильного союзника под боком даже самое сказочное везение обернулось бы лишь бессмысленной смертью персонажа и испорченным настроением.

Фан Хэнъи смущенно поскреб затылок, на его щеках проступили очаровательные ямочки. На душе у него сделалось на удивление тепло.

— Хуа Уцзянь застыл как каменный. Неужели в этой локации он выступает не как босс, а как обычный NPC? — озадачился Лян Шань. — Может, подойдем поближе и потыкаем его?

— Лучше я сам, — вызвался Фан Хэнъи. — Держись на расстоянии, братец, на всякий случай. Вдруг он сагтрится и сразу ударит по площади.

С этими словами Фан Хэнъи направил своего персонажа к Хуа Уцзяню, но, немного не дойдя до исполинского дерева, уперся в невидимую стену. Он нахмурился и несколько раз кликнул мышкой — без толку, персонаж застыл на месте.

Впрочем, пока парень грешил на лаги, над головой застывшего демона всплыло окошко с сюжетным текстом.

[Хуа Уцзянь: Тысячелетиями я томился здесь, создавая бесчисленные иллюзорные миры. Видеть, как жалкие глупцы день за днем бьются в моих ловушках — истинная потеха, я смеялся до колик. Но когда веселье утихало, в груди селилась грызущая пустота. Все из-за проклятого провала в памяти... Я забыл кого-то. О, если бы я только мог вспомнить этого подлеца! Я бы швырнул его в самое пекло своих иллюзий и пытал до скончания веков, лишь бы он перестал тревожить мой покой.]

[Император Демонов Хуа Уцзянь терзается от того, что его разум окутан туманом забвения. О благородные совершенствующиеся, согласитесь ли вы помочь ему вернуть утраченные воспоминания?]

[- 1. Помочь]

[- 2. Отказаться]

Фан Хэнъи уверенно кликнул по первому варианту. Мир перед глазами мгновенно подернулся дымкой, и декорации сменились. Теперь его Июй Цзинжэнь стоял в самом центре гигантского игрового поля для го. Облачение персонажа сменилось на угольно-черное, а по противоположным краям этой исполинской доски застыли Шаньцзе Жэньи и Хуа Уцзянь.

[Приветствуем вас, отважные совершенствующиеся, в поднебесной партии го! В этом испытании один из вас примет на себя роль живой фигуры на игровом поле, а второй станет гроссмейстером, ведущим партию против самого Императора Демонов.]

[Внимание! Если гроссмейстер потерпит поражение, его союзник, выступающий в роли фигуры, эффектно взорвется, а ваша группа лишится права входить в Башню Заточения Демонов до конца сегодняшнего дня.]

[Если же вы одержите победу над Императором Демонов, то поможете ему восстановить крупицу прошлого и получите щедрую награду!]

[Живой фигуре надлежит беспрекословно подчиняться указаниям своего гротмейстера! За каждый неверный шаг вас ждет суровая кара. Если фигура падет на поле боя без сил, партия также будет признана проигранной~]

— «Выберите игрока»... Ну да, конечно! Система сама за нас всё решила и даже не спросила, — проворчал Фан Хэнъи.

Да и сами условия казались издевательством. А если кто-то в глаза не видел этого го и правил не знает? И ладно бы просто проигрыш, так ведь фигура еще и взорвется. Ну и живодерство!

[Система 001: Хе-хе... Безумно хочется поглядеть, как красиво разлетится на кусочки благочестивый совершенствующийся! Чистое любопытство, ничего личного~]

"Пошла вон!" — мысленно огрызнулся Фан Хэнъи.

— Всё хорошо, я умею играть в го, — успокоил его Лян Шань. — Главное — понять, насколько силен здешний алгоритм.

Сам он уже мысленно настроился на поединок против искусственного интеллекта. В обычных симуляторах Лян Шань всегда выбирал максимальную сложность, но предугадать логику здешнего игрового ИИ было трудно.

— Не думаю, что система выкрутит сложность на максимум. Всё-таки это новое подземелье, да еще и рассчитанное всего на двоих, — рассудил Фан Хэнъи. — Так что прорвемся. Удачи, братец!

— Договорились. И не переживай — взлететь на воздух я тебе не позволю, — в голосе Лян Шаня зазвучала неподдельная уверенность.

— Ловлю на слове! Полностью тебе доверяю.

И партия началась.

Лян Шаню достались черные фигуры. Ему требовалось четко называть координаты на доске, а Фан Хэнъи — без промедления гнать туда своего персонажа. Стоило Июй Цзинжэню замереть на нужной клетке на пару секунд, как под его ногами материализовался огромный черный камень. Ошибка в координатах каралась мгновенной потерей очков здоровья живой «фигуры».

А если бы шкала здоровья Июй Цзинжэня опустела, партия завершилась бы досрочным сокрушительным поражением всей группы.

Это была суровая проверка на сыгранность, державшая в напряжении обоих игроков.

"И кто после этого скажет, что я вредная? Да разработчики этой игры — просто чудовища!" — вставила свои пять копеек Система 001.

"В плане вредности вы с ними стоите друг друга, так что помалкивай", — мысленно парировал Фан Хэнъи.

Фан Хэнъи мертвой хваткой вцепился в мышь, непрерывно ведя своего персонажа по указке Лян Шаня. Он не смел отпустить левую кнопку даже на долю секунды: любая случайная остановка на не той клетке расценивалась системой как неверный ход, за которым неминуемо последовали бы грозный сигнал тревоги и потеря здоровья.

— Пятая горизонталь, вторая вертикаль, — раздался спокойный голос Лян Шаня.

Июй Цзинжэнь вихрем помчался в указанный сектор. Секундная пауза — и на поле с глухим стуком опустился черный камень.

— Пятая по горизонтали, пятая по вертикали.

— Четвертая горизонталь, третья вертикаль.

— Держись, победа уже близко. Теперь вторая горизонталь, шестая вертикаль!

Спустя долгих двадцать минут, когда пальцы Фан Хэнъи на мышке уже сводило судорогой от нечеловеческого напряжения, над полем наконец вспыхнули победные искры. Лян Шань выиграл партию.

— Братец, ну ты даешь! Это было просто потрясающе! — восторженно воскликнул Фан Хэнъи.

— Пустяки, — Лян Шань с улыбкой наблюдал за тем, как фигурка Юй Цзинжэня весело кружит на экране вокруг его персонажа. — Главное, что я оправдал твое доверие.

[Поздравляем! Совершенствующиеся успешно отыскивали первый фрагмент утраченной памяти Императора Демонов~]

Сразу после этого запустилась сюжетная кат-сцена.

Хуа Уцзянь родился десятихвостым лисом-демоном, наделенным от природы колоссальной, разрушительной силой. Его появление на свет было омрачено трагедией: мать испустила дух во время тяжелых родов, а отец погиб чуть позже — несчастный лишь мельком заглянул в

колдовские фиолетовые глаза младенца и мгновенно лишился души.

В демонических кругах Хуа Уцзяня единогласно окрестили предвестником гибели и живым проклятием. Поговаривали, будто любого, кто осмелится к нему приблизиться, ждет неминуемая смерть. Окружающие шарахались от него как от чумы. Никто не желал водить с ним дружбу, никто не хотел делить с ним кров, и уж тем более никто не мог его полюбить.

Он верил, что попросту недостоин любви.

Разумеется, все эти сплетни рождались лишь в трусливом шепоте за его спиной. Стоило Хуа Уцзяню прослышать о злых языках, как клеветников ждала страшная кара: в лучшем случае их избивали до полусмерти, в худшем — его потусторонний взор безжалостно выжигал их души.

Пусть молодой демон и прослыл грозой небес и земли, без разбора колотя и бессмертных, и братьев по крови, за маской вызывающей дерзости и высокомерия скрывалось глубокое несчастье. Роковая сила глаз обрекла его на вечный страх и ненависть окружающих. Одиночество тяжелым грузом ложилось на плечи, а в тихие часы наедине с собой в его душе неизменно просыпалась уязвленная гордость ненужного ребенка. От этого он становился лишь более вспыльчивым, жестоким и нелюдимым.

Однажды, в очередной раз проучив кучку зубоскалов, Хуа Уцзянь устроился на ветвях раскидистого дерева, чтобы вздремнуть. Но едва он погрузился в глубокий сон, как тишину леса бесцеремонно нарушили нежные, переливчатые звуки флейты.

Недовольно наморщив нос, он с трудом разомкнул веки и спрыгнул на землю, твердо вознамерившись проучить нарушителя спокойствия. Вскоре у самой кромки лесного озера он приметил виновника — молодого мужчину в бирюзовом одеянии, увлеченно игравшего на бамбуковой флейте.

— Эй ты! Сил моих нет слушать этот писк, — грубо оборвал его лис. — А ну катись отсюда и шуми в другом месте!

Мелодия оборвалась. Незнакомец неторопливо повернулся, и на его утонченном лице отразилась тень неодобрения.

Вглядевшись в черты знакомого, Хуа Уцзянь на мгновение опешил. Лишь секунду спустя в его разуме вспыхнуло запоздалое предостережение о том, что его глаза смертельно опасны для окружающих. Смутившись, он поспешно отвел взгляд в сторону, но уязвленное самолюбие заставило его процедить сквозь зубы:

— Дешевое пижонство.

— А ты, малец, я смотрю, остр на язык и манерами обделен, — мягко усмехнулся тот. — С чего

ты взял, что этот лес принадлежит тебе? И почему я должен слушаться какого-то заносчивого мальчишки?

— Это мои владения! И если я сказал проваливать, значит, уноси ноги! — вскипел Хуа Уцзянь.

— А вот и не подумаю, — парировал мужчина.

Мужчина демонстративно поднес инструмент к губам. В ту же секунду Хуа Уцзянь молниеносным броском попытался отобрать флейту, но незнакомец неуловимым движением ушел с траектории атаки и мягко, но крепко перехватил запястье нападавшего.

— Малец, ну откуда в тебе столько яда? — с легкой улыбкой спросил он.

— Сам напросился, — прошипел лис.

— Что?

Хуа Уцзянь вскинул голову и со всей яростью вперил в наглеца свой потусторонний фиолетовый взор.

— Твои глаза... — замороженно произнес мужчина.

«Ага, испугался! Ну что, прирос к месту, паршивец? Поздно дергаться, сейчас ты узнаешь, с кем связался!» — думал Хуа Уцзянь, уже предвкушая триумф. Но стоило ему замахнуться для удара, как незнакомец с восхищением выдохнул:

—... Они потрясающе красивы.

Хуа Уцзянь опешил. Мир словно перевернулся. Как такое возможно? Неужели на свете существовал хоть кто-то, способный выдержать его взор и при этом не лишиться рассудка и души?

— И не надейся, что сможешь прогнать меня, просто сердито хлопая своими очаровательными глазницами, — весело добавил мужчина.

Лис растерянно захлопал глазами.

— Тебе... совсем не стало дурно? Никаких странных ощущений?

— Ощущений? — искренне удивился тот. — А какие должны быть? — Словно догадавшись, о чем речь, он прижал свободную руку к груди и тепло прищурился: — Разве что сердце на миг

пропустило удар.

Хуа Уцзянь резко вырвал запястье и злобно буркнул:

— Псих ненормальный!

Развернувшись, он бросился наутек и мгновенно растворился в чаще.

Однако на следующий день бирюзовые одежды снова замелькали у озера. История повторилась и на третий день, и на четвертый, и на пятый... Чужак неизменно возвращался на старое место и заводил свою флейту. Скрывавшийся в кронах деревьев Хуа Уцзянь исходил злобой от этой навязчивой музыки, пока наконец его терпение окончательно не лопнуло. Спрыгнув с ветки, он вновь напустился на упрямого гостя.

— О надо же, ты наконец решил показаться! — расплылся в улыбке мужчина, даже не прервав игры.

— Не доводи до греха, иначе я тебя придушу, — процедил сквозь зубы взбешенный лис.

— Ну зачем сразу бросаться такими страшными словами? — мягко возразил незнакомец. — Все эти дни ты ведь смирно сидел на ветке и слушал мою мелодию. Признайся, тебе ведь нравится?

Застигнутый врасплох, Хуа Уцзянь густо покраснел от ярости и стыда.

— Чушь собачья! Да у меня уши вянут от твоих завываний! Будто тупой пилой по сухому дереву елозишь!

Собеседник тихо рассмеялся и, прищурившись, окинул паренька оценивающим взглядом с головы до ног.

— А ты, малец, кажется, подрост с нашей последней встречи.

— Тебе-то какое дело? — огрызнулся лис.

— Да так, любопытствую. Чем тебя только кормят, раз ты меняешься прямо на глазах?

Хуа Уцзянь демонстративно закатил глаза и оскалился, стараясь придать себе как можно более кровожадный вид:

— Да так, свежей человечинкой балуюсь. А еще лучше — теплыми сердцами демонов, прямо из груди вырываю!

Он прекрасно знал, что перед ним стоит чистокровный представитель расы демонов.

Мужчина с самым серьезным видом понимающе закивал, подыгрывая ему:

— О, теперь всё сходится. Неудивительно, что здешняя нечисть разбегается в ужасе, стоит тебе только показаться на тропинке.

Упоминание об изгнанничестве неприятно укололо юношу. На его лице на краткий миг отразилась такая беспросветная тоска, что она показалась случайным наваждением. Впрочем, парень тут же взял себя в руки и горделиво вздернул подбородок:

— Именно так! Они все дрожат передо мной от страха.

— Значит, я — единственное исключение? — Мужчина забавно склонил голову набок. — Раз уж нам суждено постоянно сталкиваться лбами, почему бы нам не стать друзьями?

— Не нужны мне никакие друзья, — буркнул Хуа Уцзянь.

— Мое имя — Цзюфан. А твое?

Хуа Уцзянь, конечно же, слышал это имя и раньше. Могущественный Циинь с горы Бучжоу, непобедимый Бэйхао с гор Куньлунь, благородный Юэхуа с туманного острова Пэнлай, загадочный Саньцин Вэйчжи с острова Инчжоу и сам Цзюфан, владыка Водного Предела — эти пять имен гремели на все Шесть Миров. Величайшие мастера, наделенные невероятной силой и божественной красотой, они пользовались безграничным обожанием во всех уголках вселенной.

— Можешь звать меня своим дедушкой, — ехидно осклабился лис.

— Договорились, Хуа Уцзянь, — мягко рассмеялся Цзюфан. — Вспыльчивый ты мальчишка.

Едва кат-сцена завершилась, экран монитора резко погас и снова вспыхнул. Персонаж Шаньцзе Жэньи теперь щеголял в алом парчовом облачении жениха, сжимая в ладони изящный нефритовый скипетр руи. Он очутился в просторном зале старинного китайского усадебного дома. Прямо перед ним, выстроившись в идеальную шеренгу, застыли несколько невест, чьи лица скрывали плотные свадебные покрывала багряного цвета.

— Это еще что за фокусы? — озадачился Фан Хэньи. — У меня весь экран залило ядовито-красным цветом.

— У меня очень, очень нехорошие предчувствия... — Лян Шань нервно сглотнул, во все глаза глядя на шеренгу безмолвных фигур.

Картинка один в один напоминала завязку какого-нибудь азиатского хоррора про неупокоенных духов. До мурашек жуткое зрелище!

<http://bllate.org/book/18195/1749958>